

ВОДНОМ из номеров «Огни» за 1991 год Василий Аксенов, описывая процедуру обсуждения «Метрополя» (нашумевшего в начале 70-х машинописного издания) на секретариате Московской писательской организации, сказал несколько слов о моем выступлении:

«Единственным человеком на этом солидном собрании (там было, пожалуй, не менее сорока писателей), который призвал не спешить с принятием заготовленной загодя резолюции (смысл ее заключался в том, что «Метрополь» — это инспирированная извне и организованная Аксеновым акция по подрыву Союза советских писателей), оказался критик Ал. Михайлов. Пару лет назад, мы с ним встретились в Вашингтоне. Знаешь, сказал я ему, признаться, я был удивлен, что хоть один решил не замазываться. Эх, махнул рукой он, потом, «в рабочем порядке», я за все проголосовал, что требовалось».

Аксенов написал правду. По сути. А в подробностях все произошло вот

Лит. Россия. — 1996. — 17 мая.
€. 10.

АКСЕНОВ

В МОСКВЕ,

В. АКСЕНОВ

как. Меня вызывали на секретариат (расширенное заседание) из Переделкина, где я в это время работал в Доме творчества. Обсуждение «Метрополя», его создателей и авторов шло в характерном для того времени тоне жесткой, со всеми политическими квалификациями проработки. В качестве аргументов фигурировало несколько цитат из сочинений, включенных в «Метрополь», в основном, кажется, из прозы Виктора Ерофеева. Цитаты были приведены несколькими писателями из рабочего секретариата, читавшими альманах. Остальные, нечитавшие (подавляющее большинство!), пользовались ими с подачи читавших и на основании цитат произносили грозные политические обвинения.

Против этой методики я возразил. Я говорил о том, что нельзя по вырванным из контекста цитатам судить о содержании, сути и стиле произведения, ссыпался даже, помню, на «Тихий Дон», мол, там тоже есть такие места, которые вне контекста могут прозвучать похабно. Говорил о том, что нельзя обсуждать альманах, не почитав, не ознакомившись с ним, и призывал именно это и сделать: дать возможность прочитать каждому желающему и уж тогда оценивать.

Не помню уж, какими словами, но сразу же после моего выступления мне выговаривал Лазарь Карелин и кто-то еще. Заседание шло довольно бурно, грубо и бесцельно, «подсудимые» были пришиблены грузом обвинительной риторики.

На следующий день в Переделкине, гуляя по «малому кругу», я услышал сзади машину, отошел в сторону. Машина обогнала меня и остановилась. Из нее вышел Аксенов. Поздоровались. Я очень хорошо помню его фразу: «Вчера ты был единственным человеком в этом зверинце». Я стал упрекать Аксенова за то, что они пытались устроить вернисаж «Метрополя» (по-нынешнему — презентацию) с приглашением иностранных корреспондентов, но обсуждать этот вопрос со мной он не стал, а лишь посетовал на облыжные обвинения и некомпетентность всей этой процедуры.

Через несколько дней я узнал, что все-таки решили ознакомить с содержанием «Метрополя» целый ряд писателей и устроить новое обсуждение. Не думаю, что на это решение повлияло мое выступление. Скорее всего, где-то «наверху», может быть, в ЦК, сообразили, что надо придать этой акции более благопристойный вид, привлечь для обсуждения известных писателей, а для этого надо с ними индивидуально поработать, создать соответствующую атмосферу. Узнал я и другое. Во время заседания секретариата велась парламентская стенограмма, то есть сразу после выступлений они расшифровывались, перепечатывались и поступали в главный штаб проведения операции — в секретариат СП СССР. Узнал я, что, прочитав текст моего выступления, сданный обычно Георгий Марков сильно разгневался и высказался в том духе, что напрасно, мол, этому человеку доверили журнал («Литератур-

ную учебу») и почему он до сих пор занимает «пост» вице-президента МАЛК (Международной ассоциации литературных критиков)...

Перед новым обсуждением была беседа с Ю.Н. Верченко, выслушал его осторожные советы. Что скрывать, не проявил храбости, как, впрочем, и другие писатели, принявшие участие в этом акте. Прочитал стихи. Среди них были разные, были и вполне замечательные. Говорил я о стихах тенденциозно, выбрал что-то для критики. Вот это и было моим «голосованием», о котором вспоминает Аксенов в огоньковской статье, никакого поднятия рук не было. И это обсуждение, в общем, тоже носило характер судилища, только не такого оголтелого, как первое. Стенограмма этого обсуждения (сокращенная) не раз перепечатывалась. Но надо бы опубликовать и стенограмму первого обсуждения. Это очень поучительный документ, он обнажит методику вынесения обвинительных приговоров по сочинениям, которые никто или большинство не читали.

удивление по поводу реплики Аксенова, что вроде он никогда такого не говорил, наконец опустил руку, что ж, мол, раз не хотите, дело ваше и т.п., — и отошел. И не сразу снялись напряжение и неловкость этой сцены. Потом, рассказывал мне Георгий Семенов, который изрядно где-то выпил с Карповым, Владимир Васильевич отказывался от слов насчет расстрела и просил передать Аксенову, что, несмотря ни на что, будет выступать за возвращение ему советского гражданства.

Василий Павлович подарил мне тогда свою книгу «Бумажный пейзаж», где в надписи вспоминает нашу встречу в Киргизии, во Фрунзе (ныне Бишкек). Я хорошо помню по крайней мере один вечер, проведенный там вместе. И еще кое-что другое.

Было это зимой 1965 года. Во Фрунзе проводилось совещание молодых писателей. В помощь киргизам была командирована СП СССР группа во главе с секретарем Петрусем Бровкой. В группу входили Василий Аксенов, Эдуард Шим и критик Владимир Пискунов. Я оказался там по другой причине — разбирался с наследием Молдо Клыча, которого киргизы то обзывают реакционером, то реабилитировали.

Бровка, видимо, побаивался, что его молодая бригада, и особенно Аксенов, один из популярнейших к тому

что он воскликнет: «Чур меня, чур!» Но Петр Устинович, с трудом преодолевая волнение и опять же оглядываясь на меня, начал убеждаться Аксенова:

— Да что вы наговариваете на себя, Василий Павлович, да зачем вы так?..

А Аксенов, продляя удовольствие и уже играя для всех нас, закручивал сюжет:

— Нет, нет, Петр Устинович, я не подхожу. У меня есть расхождения с коммунистической партией...

Слышать такие слова Бровке было не под силу. Он как-то сразу обмяк, совершенно прорезвел и засобирался в свой номер.

— Мне, старику, уже пора спать... Ну надо же такое наговорить на себя, Василий Павлович, — бросил он последний умоляющий взгляд на Аксенова и пошел к выходу.

Диалог этот развеселил нас, но скоро и мы разошлись по номерам, утром рано они улетали в Москву, а я еще оставался во Фрунзе, чтобы попы-

Ал. МИХАЙЛОВ

ВАШИНГТОНЕ И ФРУНЗЕ

времени «детей» XX съезда, вызывавший немалое беспокойство властей предержащих, может позволить себе идеологические вольности, и на заключительной встрече с читателями в библиотеке, где они выступали, был очень напряжен. И был просто-таки счастлив, когда все закончилось без «идеологических срывов».

Мы все вместе поехали в привилегированную загородную гостиницу, где был хороший буфет, и устроили себе роскошный ужин. Петр Устинович (а мы с ним впервые познакомились, я тогда работал инструктором отдела культуры ЦК) то и дело рассматривал меня: так ли, мол, все происходит, и время от времени спрашивал: «Ну как, по-моему, хорошо провели совещание? И ребята наши оказались молодцами?» И, услышав мое согласие с его оценкой, совсем приободрился, растрогался и обратился к Аксенову, прямо скажем, с несколько неожиданным предложением:

— Василий Павлович, — он по-белорусски жестко произнес звук «ч». — Вы такой талантливый писатель, вас так любят читатели, у нас с вами общие цели, вам надо вступить в коммунистическую партию...

Аксенов, которого трудно чем-либо озадачить, хотя и не выказал внешне своего удивления, но все же выдержал некоторую паузу, прежде чем сказать:

— Ну что вы, Петр Устинович, я не подхожу для этого...

— Как это не подходите? — пылко возразил Бровка. — Вы так прекрасно выступали, идеологически выдержано... Да вы, — взгляд в мою сторону, — очень даже подходите. Из вас выйдет настоящий коммунист!

Аксенов уже уловил ситуацию и настроился на иронический лад:

— Нет, Петр Устинович, это слишком почетно для меня, я не заслужил. — И, помедлив немного и как бы стыдясь признания, явно уже играя, добавил: — И потом самое главное — я ведь не признаю социалистический реализм.

Тут у Бровки на лице появилось выражение, когда впору было ожидать,

таться реабилитировать смущившего умы потомков неясными идеологическими позициями Молдо Клыча. Утро было ветреное, холодное. Я провожал «бригаду». В аэропорту Бровка отозвал меня в сторону и как-то очень озабоченно заговорил:

— Александр Алексеевич, ведь вчера Василий Павлович несерьезно, в шутку говорил, что он не признает социалистический реализм, что у него есть расхождения с коммунистической партией, ведь он с правильных идейных позиций здесь выступал?

Я успокоил Петра Устиновича, сказав, что, конечно, это была шутка. Через некоторое время, кажется, в связи с юбилеем или выходом новой книги, я написал о Бровке, он был хороший поэт. Петр Устинович позвонил мне из Минска, поблагодарил и очень тепло вспоминал о нашей встрече в Киргизии.

...Еще один киргизский сюжет проподнес Чингиз Айтматов. Он пригласил всех нас в загородный ресторан и к обеду киргизской кухни, как бы на десерт, представил знаменитого манасчи (исполнителя «Манаса») Саякбая Карапаева. Я слышал от киргизских поэтов, что это не самый выдающийся манасчи, что на этом поприще блистали просто необыкновенные таланты — хранители и исполнители эпоса «Манас». Но старик Карапаев произвел на нас сильное впечатление. Я помню, как он читал эпизод, то ли скачек, то ли погони на лошадях, и нарастающая сила ритма передавалась столь выразительно, захватывающе, что мы просто замерли на своих местах, явственно представляя себе эту картину, хотя не знали языка, не понимали слов. Тогда, помню, Аксенов нашел в ритмике, в мелодическом рисунке этого отрывка то ли синкопы негритянского джаза, то ли что-то еще.

...А Молдо Клычу помочь не удалось. Может быть, в наше время киргизы простили ему идеологические заблуждения? Или теперь это уже не заблуждения?..

Ал. МИХАЙЛОВ